

Научная статья

УДК 81.373.21:528.4

DOI 10.17223/18137083/90/13

Топография в топонимии (на материале географических названий Пермского края)

Мария Владимировна Боброва

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

bomaripgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

Аннотация

На материале наименований поселений Пермского края рассмотрен вопрос о принципах организации топонимического пространства в его соотношении с пространством географическим. Представлены пермские источники таких данных. Определено, что наиболее информативны списки населенных мест, которые составлялись в регионе начиная с XIX в.; самым полным и точным является справочник 1928 года издания. Исследование показало, что средствами ойконимии физико-географическое пространство организуется: по горизонтали, по вертикали и по «вектору» (направленности) движения, который в условиях тайги задается водными потоками. Иллюзорно буквальное дублирование ойконимами местной топографии, приоритетен ценностно ориентированный подход к номинации географических объектов. Проведенное исследование позволило подтвердить универсальность лингвокультурных закономерностей организации ономастикона, выявленных ранее В. А. Никоновым и Е. Л. Березович, сделать новые наблюдения и подчеркнуть ведущую роль культурно-ценностного принципа освоения физического пространства.

Ключевые слова

ономастика, ойконимия, топонимическая модель, принципы номинации, лингвокультурный аспект, Пермский край

Для цитирования

Боброва М. В. Топография в топонимии (на материале географических названий Пермского края) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 170–184. DOI 10.17223/18137083/90/13

Topography in toponymy (a case study of geographical names of Perm Krai)

Maria V. Bobrova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

bomaripgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

Abstract

The paper investigates the principles underlying the organization of toponymic space in correlation with geographical space. The focus is on the toponymic material of the Perm region.

© Боброва М. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 170–184

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 170–184

The discussion of data sources acknowledges the limited availability of early information concerning the oikonym system in the region, emphasizing the importance of local sources, such as population and land censuses. The most informative regional settlement lists are those compiled since the 19th century, with the 1928 edition considered the most comprehensive and authoritative. The most prevalent word formation patterns in oikonoms prove to be (1) terms derived from the “Geographical terminology” vocabulary and (2) metonymic place names that correlate with the names of adjacent geographical objects. The naming of settlements is frequently tied to three fundamental geographical elements: topographical variations, forested regions, and water sources. Taiga spatial organization has three dimensions: horizontal, vertical, and the movement “vector” related to the water flows. While the detailed specification of oikonoms might suggest a naming duplication of local topography, a comparative analysis has revealed the substantial influence of a value-oriented approach on naming practices. The research demonstrated a distinct linguocultural character, confirming the universality of the organizational patterns of onymic space previously identified by V. A. Nikonov and E. L. Berezovich and emphasizing the paramount importance of the cultural-value principle in space exploration.

Keywords

onomastics, oikonomy, toponymic model, principles of nominating, linguocultural aspect, Perm Krai

For citation

Bobrova M. V. Topography in toponymy (a case study of geographical names of Perm Krai). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 170–184. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/13

Введение

В настоящей статье представлены материалы доклада, сделанного нами 20 февраля 2021 г. на II однодневном форуме (субботнике) «Текст и карта», регулярно организуемом в Институте лингвистических исследований РАН. Следуя общему тематическому принципу заседаний, мы определили цель выступления: осветить вопрос о соотношенности особенностей ландшафта определенной местности и исторически сложившейся здесь системы ойконимов (главным образом комонимов – названий сельских поселений). Иными словами, нас заинтересовали принципы организации топонимической системы в ее отношении к системе топографической. Исследовательские задачи решались на основе данных по Пермскому краю.

Прежде всего остановимся на принципиально важном вопросе об источниках интересующих нас сведений. В нашем случае это источники письменные, официальные, так как неофициальная топонимическая номенклатура в силу своей специфики и по причине ограничений, диктуемых жанром журнальной статьи, должна стать предметом специальных исследований.

1. Источники топонимии Пермского края

Необходимо констатировать, что ранняя история Западного Урала в письменных свидетельствах представлена скупо. Наиболее древними источниками по данному региону следует считать, вероятно, Никоновскую, Симеоновскую и Вычегодско-Вымскую (Мисаило-Евтихиевскую) летописи (см.: (Никоновская летопись, с. 148; Симеоновская летопись, с. 241; Вычегодско-Вымская летопись, с. 262)), сообщающие о походе Федора Пестрого в Пермь Великую (Чердын, Чердынские земли, ныне это северные районы Пермского края) в 1472 г. с целью

окончательного ее присоединения к Московской Руси (см. подробнее: [Корчагин, Лобанова, 2012]); но и здесь упоминаются лишь единичные топонимы.

С расширением Русского государства наступил момент, когда была осознана потребность в инвентаризации имеющихся ресурсов, в том числе территориальных. При Иване Грозном была создана так называемая «Книга Большому чертежу» [1950] – описание территории Руси с привязкой к дорогам и рекам, связующим ее части. В ней зафиксированы наиболее крупные, «узловые» географические объекты и расстояние между ними.

Более значимы переписи тягловых дворов (XVI–XVII вв.), а затем подушные переписи населения (писцовые книги, переписные книги, ревизские сказки XVIII–XIX вв.), которые осуществлялись с фискальной целью – для определения числа налогоплательщиков, но с привязкой к определенным географическим объектам. Такие переписи предпринимались еще в Древнем мире, на Руси подобный список впервые был составлен в 1275 г., но в Пермском крае – территории достаточно позднего заселения русскими – это памятники письменности, относящиеся к концу XVI в. (писцовые книги Ивана Яхонтова (1579), Михаила Кайсарова (1623–1624)), переписные книги Прокопия Елизарова (1647), Федора Бельского (1678) и более поздние ревизские сказки. Каждая последующая перепись строилась на базе предыдущей, но сведения корректировались с учетом умерших, переселившихся на новые места, рекрутированных и т. д. Приведем в качестве примера отрывок из книги Ивана Яхонтова: *Деревня Бердникова на речке на Усолке против Чюдцкого городища: двор Иванко Зыков, дв[ор] Левка Труфанов, дв[ор] Якуш Иванов да сын его Мартинко. Пашины двадцать три чети в поле, а в дву потому же; земля средняя; лесу пашенного пять десятин; сена по речке по Усолке сорок копен* (л. 6 об.)¹. Здесь имеются привязки к определенным поселениям и подушный список проживавших там лиц мужского пола (женщины упоминались редко, только если они оказывались во главе хозяйства).

Источником разрозненных сведений об исторической топонимии служат юридические документы разнообразнейших жанров: имущественные, судебные, административные (делопроизводственные) документы, церковные деловые акты, частные деловые письма, расспросные речи о соседних землях и др.²

Позднее, в начале XIX в. стали создаваться хозяйственные («географическо-статистические», «историко-статистические») описания типа справочников, которые включали и некоторые этнографические, лингвистические, топонимические сведения (см., например: (Попов, 1811–1813; Чупин, 1873–1887; Кривошеков, 1914)).

В 20-х гг. XIX в. возникла идея создания реестров населенных мест Российской империи. Для Пермской губернии известны списки 1869, 1904–1909 гг., затем списки 1926–1927 гг. по отдельным округам Уральской области, образованной после Октябрьской революции. Позднее создавались списки для Пермской области 1963, 1969, 1981 и 1993 гг. Есть также атласы (альбомы карт) с приложением алфавитных списков топонимов, но очень часто неточных, с устаревшими

¹ *Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г.*: Рукопись РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. № 308. Л. 1–46. Здесь и далее текст приводится в упрощенной орфографии, без использования устаревших кириллических букв «ять», «фита».

² В настоящее время начата работа по составлению свода таких данных. В 2020 г. опубликована первая книга из этой серии [Полякова, 2020], сейчас составляется словарь исторической топонимии Пермского края XVI – начала XVIII в.

или ошибочными данными, ср., например: река *Козетка* вм. *Козекта*, урочище *Букорские Десятины* вместо *Десятины* в Чайковском районе, др.

До 1930-х гг. количество поселений постоянно возрастало. Этому способствовала специфика истории заселения края, так как здесь искали прибежища те, кто испытывал гонения в центральных областях России (например, старообрядцы), и сюда переселяли крестьян для работ на рудниках и металлургических заводах. В значительной степени повлияли столыпинские реформы, в результате которых на обширные незанятые территории Уральских предгорий переместили большое количество крестьян из центральных, западных и даже южных губерний (крестьян, оставшихся безземельными после реформы 1861 г.). Еще одна «волна» была после революции 1917 г., когда возникли многочисленные выселки, хутора, поселки, сельскохозяйственные коммуны и подобные поселения. Но затем в связи с коллективизацией, Великой Отечественной войной, укрупнением поселений и объявлением множества деревень неперспективными, с распадом СССР и последующими процессами количество поселений непрерывно падало. Сложно назвать точное количество населенных мест на территории, соответствующей современному Пермскому краю, в первой половине XX в., когда происходило постоянное перекраивание границ уральских территорий (хотя, по приблизительным подсчетам, к 1928 г. их было не менее 10 000), но для сравнения: еще в 1960-е гг. здесь было около 6 400 населенных пунктов, в начале 1990-х – около 4 000, в наши дни – около 2 700. И процесс сокращения их количества продолжается.

По этим причинам наиболее точным (хотя и не лишенным опечаток абсолютно) и полным среди известных справочников оказался «Список населенных пунктов Уральской области», данные для которого собирались в 1926–1927 гг. и были обнародованы в 1928 г. Именно это издание отражает систему ойконимов того периода, когда количество ее элементов достигло исторического максимума. В табличной форме в нем отражены различные сведения о поселениях, сгруппированных по соответствующим округам, районам, сельсоветам Уральской области: общее число хозяйств, количество населения общее и по полу, по национальности (преобладающей и иных), принадлежность к волости Пермской губернии по состоянию на 1916 г., ближайший водный источник, расстояние в километрах до различных пунктов (до райцентра, школы, больницы, телефона, почты и др.).

В силу сказанного материалом для анализа в настоящем случае послужили данные XVI – начала XVIII в. и сведения из справочника 1928 г.

2. Отражение физико-географических характеристик территории Пермского края в местной топонимии

Обнаруживаем прежде всего, что в ойконимах Пермского края весьма многочисленна и разнообразна нарицательная лексика тематической группы «Географические термины», частично древняя по происхождению, нередко диалектная, а в ряде случаев такая, которая утрачена современным русским языком (в его литературном варианте или в целом) и восстанавливается только на основе имен собственных. Выделены следующие группы географической терминологии, отражающей топографические особенности местности³:

³ Иллюстрации содержат следующие элементы: 1) выделенная курсивом реконструированная лексема или словосочетание: а) соотносимые с зафиксированными в различных источниках языковыми состояниями либо б) (за знаком астериска *) не подтвержденные

1) названия леса, участков леса: *дуброва* ‘сухой участок, поросший хорошим лесом’ (СГТ, с. 99) > *Дуброва, Дуброва Бор; парма* ‘густой, труднопроходимый лес’, ‘возвышенность, покрытая густым лесом’, ‘болотистое место, покрытое лесом’, заимствовано из коми языка (СГТ, с. 262; Фасмер, т. 3, с. 208; АС, т. 3, с. 13; СРНГ, т. 25, с. 229; Мурзаев, с. 429; СПГ, т. 2, с. 75) > *Парма; растес* ‘граница лесных угодий, обозначенная натесами, зарубками на деревьях’ (СЛПП, т. 2, с. 191) > *Растес*;

2) названия участков, поросших определенным видом растительности: *губник* ‘грибной лес; место, поросшее грибами’ (СГТ, с. 103) > *Губник; вольхняк* ‘заросли ольхи’ (СПГ, т. 1, с. 117) > *Вольхняк; осинник* > *Осинник, Осинники, Гарь в Осинниках, Заосинник*;

3) названия открытых участков в лесу: *забегаловка* ‘поляна, отделенная от поля деревьями и кустами’ (СГТ, с. 114) > *Забегаловка; кругляшка* среднеуральское ‘лесная полянка’ (СРНГ, т. 15, с. 302) > *Кругляшка*;

4) названия участков леса, выгоревших, выкорчеванных или вырубленных: *выгарки* ‘место лесного пожара’ (СПГ, т. 1, с. 134) > *Выгорки; вылом* ‘участок, на котором лес повалило бурей’, ‘участок, расчищенный от леса с хозяйственными целями’ (АЯ, с. 67; СГТ, с. 78) > *Вылом; шишмара* ‘участок, расчищенный от дерьевьев и кустов’ (СГТ, с. 403) > *Русская Шишмара, Татарская Шишмара*;

5) названия дорог, просек: *звоз* ‘дорога в гору от реки или перевоза’ (Панин, с. 50; СРНГ, т. 11, с. 220) > *Крутой Звоз; матица* ‘главная лесовозная дорога’, ‘широкая дорога’ (СГТ, с. 213) > *Матица*;

6) названия безлесных участков: *хижи* ‘заросшее поле, заброшенная рощица’ (Фасмер, т. 4, с. 236), [Востриков, 1990, с. 65] > *Хижи*;

7) названия возвышенностей, их частей: *дуван* ‘высокая безлесная гора, обдуваемая ветрами’ (АЯ, с. 10) > *Дуван; челтан* ‘гора, холм округлой формы с высокими склонами’, ‘вершина горы’ (СГТ, с. 397; СРГСУ, т. 7, с. 21; СПГ, т. 2, с. 525; Даль, т. 4, с. 589; Фасмер, т. 4, с. 329), [Полякова, 1991, с. 183] > *Челтан; шоломень* ‘небольшая горка округлой формы’, ‘склон бугра’ (СГТ, с. 403–404; Фасмер, т. 4, с. 424) > *Шоломень*;

8) названия оврагов, логов, низменных мест: *вар* ‘овраг’ (АЯ, с. 10) > *Вары; корчага* ‘круглая яма, котловина’ (СРНГ, т. 15, с. 29) > *Корчага; лоза* ‘низкое ровное место, где хорошо растет трава’ (СРНГ, т. 17, с. 111) > *Лоза*;

9) названия сырых, болотистых мест, болот: *арай* ‘сырое низкое кочковатое место на лугу’, ‘заливной луг’, ‘топкий участок болота’, ‘яма естественного происхождения’, ‘галька на берегу реки, у самого уреза воды’ (АЯ, с. 49; СГТ, с. 22) > *Арай; мокруша* ‘сырое, топкое место на лугу, в лесу, в пойме реки, у ручья, в болоте’ (СГТ, с. 218) > *Мокруша; сутяга* ‘топкое, сырое место на лугу или в поле’ (АЯ, с. 13) > *Сутяга, Большая Сутяга, Малая Сутяга*;

10) названия водоемов и их частей: *ручей* > *Ручей*; *суплес ‘участок, примыкающий к части реки со спокойным течением’ > *Суплес; урай* ‘речной залив, старица’ [Востриков, 1990, с. 62, 92], (СРГСУ, т. 5, с. 131) > *Урай, Малый Урай; холуй* ‘место наноса на реке веток, кустов, деревьев; завал на реке’ (СЛПП, т. 2, с. 377;

письменными источниками устаревшие слова, вышедшие из употребления, 2) гипотетически определяемое значение реконструируемого слова или словосочетания, 3) ссылка на источник данных, не являющихся общерусскими, 4) (за знаком раствора) ойконим, выделенный курсивом.

АЯ, с. 162; СГТ, с. 392), [Востриков, 1990, с. 63; Полякова, 1991, с. 154, 158] > *Холуи*;

11) названия островов, мелей: *брод* > *Брод*, *Ванькин Брод*, *Новый Брод*, *Стан-Брод*, *Старый Брод*, *Бродовский*, *Бродовая*, *Броды*; *остров* > *Прорывенский Остров*;

12) названия берегов, их видов, а также местности в окрестностях водоема: *боек* 'береговая скала, на которую направлено сильное течение реки' [Полякова, 1991, с. 14], (АЯ, с. 52–53; СГТ, с. 32) > *Боек*; *песьянка* 'низкий песчаный берег, заливаемый во время половодья', 'участок с песчаной почвой' (АЯ, с. 126; СГТ, с. 272–273) > *Песьянка*, *Песьянки*;

13) названия участков местности, указывающие на их форму, особенности почвы и т. п.: **беляшка* 'участок с почвой очень светлого цвета (содержащей известняк)' > *Беляшка*; *красик* 'участок с красной глиной' (АЯ, с. 95; СГТ, с. 173) > *Красики*; *лопата* 'узкий недлинный участок земли', 'участок земли, один конец которого расширяется' (СРНГ, т. 17, с. 132) > *Лопата*.

С точки зрения отражения топографии не менее значимы ойконимы метонимической природы (т. е. ойконимы, образованные путем транстопонимизации – переноса наименования с одного географического объекта на другой), которые могут не только называть близлежащий относительно поселения объект (чаще реку, реже возвышение или что-либо еще), но и характеризовать его с какой-либо точки зрения (курсивом указаны пермские ойконимы, содержащие такую лексему):

1) лексика, отражающая особенности расположения географического объекта: *Ближний Ручиб*, *Дальний Пальник*, *Восточный Уклон*, *Нижний Черный Ключ*, *Правый Бизяр*, *Средние Новинки*, *Выше Бору*, *Горная Шушпанка*, *Усть-Боровая*; ср. также метафорические названия, косвенно указывающие на удаленность объектов: *Америка*, *Камчатка*, под.;

2) лексика, характеризующая объект по форме, по величине и т. п.: *У Глубокого Лога*, *Долгий Мост*, *Косой Мост*, *Круглая Гарь*, *Узкое Место*;

3) лексика, отражающая особенности почвы, рельефа в месте нахождения географического объекта: *Гладкий Луг*, *Логоватый*, *Мокрое Поле*;

4) лексика, отражающая цвет географического объекта: *Белый Камень*, *Грязный Мост*, *Красный Берег*, *Черный Яр*;

5) лексика, характеризующая особенности течения гидрообъекта: *Быстрая*, *Северная Рассоха*, *Шумишка*;

6) лексика, отражающая особенности русла, ложа, прибрежной зоны гидрообъекта: *Галечный Ключ*, *У Кривого Озера*, *По Реке Омутной*, *Вершина Сухой Платошны*;

7) лексика, отражающая вкусовые качества воды в гидрообъекте: *Гнилая*, *Поганиха*;

8) лексика, отражающая особенности температуры воды в гидрообъекте: *Студеная*, *Теплый Ключ*, *Холодный Ключ*;

9) лексика, характеризующая объект по очередности возникновения: *Первая Делянка*, *Вторая Нужда*.

С учетом семантики качественных компонентов и мотивационных признаков названий второго уровня (метонимически перенесенных названий) обнаруживаем, что наименования чрезвычайно детализированы: они указывают на специфику почвы, форму называемой реалии, особенности ее расположения, специфику местной флоры и т. д. Названия как будто образуют штрихи к «портрету» уральских

предгорий – с выраженными неровностями (многочисленными возвышенностями и впадинами), с обильной растительностью (значительная часть территории Пермского края покрыта тайгой) и развитой гидронимической системой (по подсчетам географов, в крае около 30 000 рек, речек, ручьев общей протяженностью около 90 000 км). Количество «топографически обусловленных» названий настолько обильно, что создается впечатление, будто в ойконимах продублирована физико-географическая карта. Но в какой степени?

Можно предположить, что основная цель номинации – привязка поселений к локальным ориентирам. Однако анализ названий подводит к выводу, что данный фактор не является решающим, и «выборка» географических объектов номинаторами ценностно ориентирована. Значительная часть онимов – это метонимически перенесенные наименования угодий, и, следовательно, в ойконимах опосредованно фиксируются особенности ландшафта, которые важны в хозяйственной деятельности человека, т. е. обусловлены прагматически. Подчеркнем, что в названиях поселений нередко запечатлелась даже не собственно нарицательная географическая лексика (*Корчага, Лопата, Плотбище, Перебор*), а микротопонимы: *Сурнинское Плотбище, Заячий Перебор, Соленая Грязь*. Значимо также, что в ойконимии актуализируется топонимия узлокального значения, но не названия крупных объектов древнего субстратного происхождения типа *Кама, Колва, Вишера*. Показательна и такая особенность: о характере местности (а она холмистая) говорят, в частности, многочисленные названия возвышенностей, но небольших (*угор, сгорок, взлобок* и под.); для наименования значительных возвышений используется лишь общерусская лексема *гора* и (реже) диалектное слово *камень*. Очевидно, это объясняется возможностью использования пригорков в каких-либо целях (для возделывания земли, для собирательства) при ведении натурального крестьянского хозяйства, локализованного «точечно», в то время как горы важны в качестве ориентира на местности, мыслимой масштабно.

Обращает на себя внимание то, что номинации мотивационно связаны с лексикой прежде всего тех лексико-семантических групп, которые отражают привязку: а) к участкам, характеризующимся перепадами рельефа (возвышенности и низменности); б) к лесным участкам; в) к водным источникам. Как мы видим, это географические объекты, организующие пространство по вертикали, горизонтали и (условно) «вектору», т. е. направленности движения, которая в условиях тайги и холмистости местности задается водными потоками.

Иными словами, это не дублирование карты, а итог культурного освоения данного локуса. Перед нами результат «вживания» русских переселенцев в окружающую среду, основные координаты которой были заданы предшественниками, т. е. аборигенным (субстратным и даже субсубстратным) населением, и последующего «встраивания» вновь образуемых региональных русских ойконимов в организованную топосистему, в топонимическое пространство.

И это подводит нас к решению логически возникающего вопроса о том, что же является главенствующим принципом отбора топографических ориентиров в ойконимии. Отбор этот подчиняется, вероятно, центральной, универсальной культурной оппозиции «свой – чужой». И в этой связи можно вспомнить множество высказываний, среди которых, например, слова А. В. Суперанской: «Имена собственные – необходимый инвентарь языка, служащий для определения тех данностей, которые не могут быть достаточно точно и однозначно определены с помощью имен нарицательных, нумерического ряда, системы координат, описательных фраз и т. п.» [Суперанская, 2012, с. 136] – или слова Е. Л. Березович:

«Какой бы мотив ни отражался в топонимической номинации, само наличие имени у географического объекта свидетельствует об осваивании последнего хотя бы на перцептивном уровне» [Березович, 2021, с. 184].

Очень показательными с этой точки зрения мы считаем ойконимы, которые транслируют информацию об особенностях освоения земель в тяжелых местных условиях, настолько тяжелых, что невольно всплывает в памяти выражение «вгрызаться в землю». О многом говорят, в частности, количественные показатели. Так, например, по данным 1928 г. нами выявлено около 50 населенных пунктов с компонентами *палица, паль, пальник, пальники* ‘выгоревшее или выжженное место под пашню в лесу’ (АЯ, с. 122–123; СГТ, с. 260–261), ‘место, где лес вырублен и сожжен под пашню’ (СПГ, т. 2, с. 73; Мурзаев, с. 428), более 130 поселений, названия которых включают термин *гарь* и его производные (ср.: *гарь* ‘выжженный участок леса, предназначенный под пашню’ (Сл XI–XVII, т. 4, с. 12), ‘выкорчеванный участок в лесу’ (Фасмер, т. 1, с. 395), ‘выжженное место в лесу’ (АЯ, с. 48), *гари* ‘места в лесу, расчищенные для пахоты или сенокоса’ (СПГ, т. 1, с. 158; Мурзаев, с. 140)), а также ряд иных аналогичных терминов. Это термины подсечно-огневого земледелия, которое было актуально для пермских территорий и менее 100 лет назад; еще в конце XX в. в речи сельских жителей фиксировались реликтовые термины, называющие расчищенные под пахоту участки в лесу (типа *вылом, почка / подчека / поччика*). Теперь они обнаруживаются только в микротопонимии.

Основные лексико-семантические группы такого рода терминологии:

1) названия участков, подготавливаемых под пашню, например: *вылом* ‘участок, расчищенный от леса с хозяйственными целями’ (АЯ, с. 67) > *Вылом; пал* ‘подсека с сожженным лесом’ (Сл XVIII, т. 14, с. 131) > *Палы; сечище* ‘участок с вырубленными деревьями’ [Полякова, Новиков, 1972, с. 162] > *Сечище*;

2) названия пахотных участков, например: *подстава* ‘земля, пригодная для пашни, под покос’ (СРНГ, т. 28, с. 193) > *Подставы; суземье* ‘поле на расчищенном от леса месте’ (СРНГ, т. 42, с. 190) > *Суземье*;

3) названия заброшенных пахотных участков, например: *хижи* ‘заросшее поле, заброшенная рощица’ (Фасмер, т. 4, с. 236), [Востриков, 1990, с. 65] > *Хижи; пустошь* ‘заброшенное, невозделываемое поле’ > *Пустош[ь]; шутём* ‘заброшенное, заросшее поле’ (СЛПШ, т. 2, с. 413; Фасмер, т. 4, с. 492; СПГ, т. 2, с. 564; АЯ, с. 167; СГТ, с. 405–406), [Полякова, Новиков, 1972, с. 162; Полякова, 1991, с. 48] > *Шутёмы*.

Обращает на себя внимание отсутствие лексем, которые имеют корень *-чист-* (типа *рощица, новочица, чисть, чищенина* и под.), обозначают расчищенные и раскорчеванные под поля или луга лесные участки и встречались в пермских говорах (см.: [Беляева, 1964; Житников, 1965]). В ойконимии сохранились названия лишь с аналогичным элементом *новина, новинка* (*Новинка, Новинки, Верхние Новинки, Средние Новинки, Нижние Новинки*). Чаще участки назывались по способу подготовки их к пахоте (ср. примеры выше).

В ряде случаев реконструируется лексика, ушедшая из литературного языка и говоров, не зафиксированная в словарях древнерусского и современного русского языка, в словарях XI–XVII, XVIII в. Она представляется особенно значимой, поскольку говорит о древности ее и, соответственно, образованных на ее базе ойконимов. Приведем несколько примеров с гипотетически восстанавливаемой семантикой производящих слов: *Богодуи* < **богодуи* ‘открытый возвышенный участок’, *Мокрида* < **мокрида* ‘сырое, заболоченное место’, *Важ-Сочище* <

**сочище* ‘место, где сочили, то есть подсекали кору и подрубили с целью высушить на корню, деревья’; *Разориха* < **разориха* ‘пахотный участок, пашня’. Подчеркнем, что прямо или косвенно такие термины также указывают на возможность или невозможность использования того или иного участка в хозяйственной деятельности крестьян.

Не менее «прагматических» ойконимов показательно, на наш взгляд, то, что разбивает представления россиянина начала XXI в. о стабильных / нестабильных элементах системы топонимов и стереотипный взгляд на названия поселений как на самодостаточную, относительно замкнутую подсистему. Так можно думать теперь, когда на первый план вышла индустриальная и вместе с ней городская культура со своими принципами номинации, а новые названия населенных пунктов фактически уже не возникают. Но таким ожиданиям не отвечают исторические факты.

Мы уже ссылались на памятники письменности со сведениями о топонимии Пермского края. Время создания первых из них (преимущественно XVI–XVII вв.) – это начальный период, когда система ойконимов переживала свое становление. И, в частности, там мы обнаруживаем не только однословные названия типа погост *Городище*, деревня *Плѣс*, село *Кишерть* и под., но и описательные (полилексемные) конструкции уточняющего характера, ср.: *Григорова деревня над курьею*, 1579 г.; *Починок Немятов, Белик тож, на реке на Каме, вверх Лысвинского озера*, 1623 г.; *Деревня над Кемyleм и над речкой Шумихою*, 1647 г.; *Архипов починок за Казенным полем*, 1678 г.

Сравнительный анализ с данными 1928 г. делает очевидной неслучайность подобных наименований поселений. Уже в Средневековье в качестве ориентиров никогда не выступали административные центры (Чердынь, Соль Камская, Усолье), актуализировались же названия близлежащих речек, скалистых обнажений, микротопонимы, ср.: ...*по Каме-реке в Гурдине под Сергиевым камнем*, 1629 г.; *Деревня на реке Каме и на речке Гайве*, 1647 г.; *Починок на реке Кама и на речке Егошихе двор Сергейки Павлова сына Брюханова*, 1647 г. Эти тенденции были настолько важны, что они привели к закреплению специфических (неоднословных, полилексемных) моделей образования ойконимов. И сравним: в первой четверти XX в. появились нестандартные структуры типа *Городищенские Хутора № 1, 2, 3, 4*, *Казарма № 49*, *Казарма 537 км*, *Томаровское Отделение Грановской Школы Коммуны*, неясные образования типа *Обращат* оказались недолговечными, а ставшие традиционными способы «встраивания» новых небольших объектов в ландшафт по-прежнему живы, хотя подобные названия и не были настолько распространены, как в начальный период формирования пермского топонимикона. И в справочнике 1928 г. мы обнаруживаем многочисленные названия выселков и починков типа деревня *Горяны У Паньковки*, деревня *Бородина У Ключей*, выселок *Против Сосновой Горы*, хутор *Под Мысом*, *Катаева По Трубенке*, *По Черной Речке*, *У Токмаков*, *За Родником*.

Тем самым ойконимы демонстрируют, что в качестве ориентиров могли выступать даже небольшие объекты, а в качестве соотносительного элемента при ономообразовании – даже микротопонимы. И, казалось бы, нелогично определять постоянное место проживания через объект, который в любой момент может исчезнуть или сменить название. Но это противоречит современным синхронным стереотипам, в соответствии с которыми система поселений и их названий является устойчивой, а микрообъекты и микротопонимия отличаются вариативностью

и подвижностью⁴. Исторически же сложилось, что «молодые» поселения вписываются в данный узколокальный ландшафт по определенным, уже «одобренным социумом» принципам.

Безусловно, в устоявшихся номинативных системах с вековыми принципами их формирования не исключаются «сбои», подвижки и даже «слом» традиций, вызванные обычно (и они тоже) культурными изменениями, социальными трансформациями. Подобные модификации демонстрирует, например, ойкосистема Пермского края первого десятилетия после Октябрьской революции 1917 г., ср. названия сельских поселений: *Будильник*, *Самолет*, *Юный Сентябрь*, *Виктуар*, *Проснись Бедняк*, *Лаюкс*, *Культуровка* и под. Характерно, однако, что «нестандартные» явления обычно вымываются, а система в своих основах проявляет устойчивость⁵.

В обнаруженных фактах мы усматриваем подтверждение открытых ранее Е. Л. Березович принципов моделирования географического пространства в топонимиконе. В пермской ойконимии проявляются следующие концептуальные факторы, манифестирующие признак «охват местности»: панорамное, дробное, горизонтальное видение местности «по принципу карт-обозрения» (см. об этом подробнее, в частности: [Березович, 2021, с. 164–177]). Закономерно, что при ориентировании в пространстве и при формировании системы наименований отдельных элементов этого пространства актуализируются связи между ближайшими объектами, а если точнее, то между объектами, ближайшими к центру номинации. И, поскольку русским крестьянином в первую очередь «прорабатывались» хозяйственно значимые локусы (это было показано нами выше), непосредственно примыкающие к месту поселения и образующие освоенное пространство, естественным образом в систему ойконимов активно втягивались микротопонимы, включая микрооронимы и микрогидронимы. Таким способом, через установление связей между географическими объектами вне зависимости от их размера и устойчивости, реализуется принцип рядности (соположности, соотносительности) топонимов, открытый еще В. А. Никоновым.

Итак, региональный ойконимикон подчиняется концептуальной модели организации географического пространства, в которой воплощается принцип рядности. В концептуальной топосфере важен не только ориентационный принцип, но и принцип культурно-ценностного освоения пространства. Иными словами, номинируются и таким образом маркируются не только локации, способные служить ориентиром на местности и задающие систему координат, но прежде всего объекты, имеющие хозяйственное значение.

Заключение

Таким образом, исследованные географические названия Пермского края позволяют подтвердить универсальность выявленных нашими предшественниками закономерностей организации онимического пространства, и в то же время особо подчеркнуть значимость культурно ориентированного характера этих закономер-

⁴ Ср., например: «Микротопонимы образуют наиболее подвижную часть топонимии» [Суперанская, 2021, с. 48]; микротопонимы «легко изменяются или заменяются. Не менее легко они исчезают вовсе. Однако в целом этот процесс неоднороден. В целом новые микротопонимы появляются так же свободно, как отмирают старые» [Карпенко, 1967, с. 17]; микротопонимы «пока лишь зародыши названий» [Никонов, 2011, с. 47], др.

⁵ См. об этом подробнее: [Богачева, 2008].

ностей. Ойконимы – это системные топографические элементы. Будучи непосредственно связаны с человеком, поскольку это названия не просто географических объектов, а мест проживания, жизнедеятельности людей, ойконимы отражают принципы «вживания» человека в окружающее пространство, последовательного окультуривания локуса: преобразования чужого и чуждого в свое и освоенное. Они транслируют процессы формирования региональной и локальной топонимической картины мира.

Наделение географического объекта собственным именем не является самоцелью, иначе в качестве онима могли бы использоваться абсолютно любые слова, вплоть до набора звуков или букв. Чтобы географическое название приобрело топографическую значимость и стало частью топонимической системы, а значит, элементом надстройки над топографическими реалиями, оно должно отразить факт принадлежности номинируемого объекта к определенной «культурной зоне», к освоенной, «окультуренной» сфере бытия человека. Топоним – это воплощенный в языковом знаке факт культуры.

Список литературы

Беляева О. П. Местная лексика, связанная с обозначениями земельных участков // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964. Вып. 1. С. 93–103.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. М.: Либроком, 2021. 328 с.

Богачева М. В. Новая эпоха – новая культура? // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 353–361.

Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 95 с.

Житников В. Ф. Древнерусская лексика подсечно-огневого земледелия в топонимике Архангельской и Вологодской областей // Вопросы топонимии. 1965. Вып. 2. С. 19–22.

Карпенко Ю. А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М.: Наука, 1967. С. 15–22.

Корчагин П. А., Лобанова А. С. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Перм. ун-та. История. 2012. № 1 (18). С. 121–134.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.

Полякова Е. Н. Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 206 с.

Полякова Е. Н. Материалы памятников XVI – начала XVIII в. для топонимического словаря Пермского края / Под ред. М. В. Бобровой. Пермь, 2020. 168 с.

Полякова Е. Н., Новиков В. Ф. Диалектная лексика в Чердынских и Соликамских памятниках XVII века // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1972. Вып. 3. С. 155–168.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2012. 366 с.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М.: Либроком, 2021. 178 с.

Список источников

- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: В 6 вып. Пермь, 1984–2011.
- АЯ – Полякова Е. Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 180с.
- Вычегодско-Вымская летопись – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. № 4. С. 257–271.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Диамант, 1997.
- Книга Большому чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
- Кривошеков И. Я. Географическо-статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 841 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Никоновская летопись – Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 532 с.
- Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: «Наука», Сиб. отд-е, 1991. 179 с.
- Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству: В 3 т. СПб., 1811–1813.
- СГТ – Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 419 с.
- Симеоновская летопись – Полное собрание русских летописей. М.: Знак, 2007. Т. 18: Симеоновская летопись. 328 с.
- СЛПП – Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: В 2 т. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С. Г. Бархударова и др. М.: Наука, 1975–2022. Вып. 1–32. (Продолжающееся издание)
- Сл XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 1–22. (Продолжающееся издание)
- СПГ – Словарь пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000–2002.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 вып. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–52). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Т. 1–52. (Продолжающееся издание)
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель – АСТ, 2004.
- Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873–1887.

References

- Belyaeva O. P. Mestnaya leksika, svyazannaya s oboznacheniyami zemel'nykh uchastkov [Local vocabulary related to land designations]. In: *Voprosy fonetiki, slovo-obrazovaniya, leksiki russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya* [Issues of phonetics, word formation, vocabulary of the Russian language and methods of teaching it]. Perm, 1964, iss. 1, pp. 93–103.
- Berezovich E. L., *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Space and human]. Moscow, Librokom, 1998, 328 p.
- Bogacheva M. V. Novaya epokha – novaya kul'tura? [New era is new culture, isn't it?]. In: *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Word and text in the cultural consciousness of the era: materials of All-Russ. sci.-pract. conf.]. Vologda, 2008, pp. 353–361.
- Karpenko Yu. A. Svoystva i istochniki mikrotoponimii [Properties and sources of microtoponymy]. In: *Mikrotoponimiya* [Microtoponymy]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 15–22.
- Korchagin P. A., Lobanova A. S. Ocherki ranney istorii Permi Velikoy: vodno-volovkovye puti [Essays on the early history of Perm the Great: waterways]. *Perm University Herald. History*. 2012, no. 1(18), pp. 121–134.
- Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow, LKI, 2011, 184 p.
- Polyakova E. N. *Materialy pamyatnikov 16 – nachala 18 v. dlya toponimicheskogo slovarya Permskogo kraya* [Materials of the monuments of the 16th – early 18th centuries for the toponymic dictionary of the Perm region]. M. V. Bobrova (Ed.). Perm, 2020, 168 p.
- Polyakova E. N., Novikov V. F. Dialektnaya leksika v Cherdynskikh i Solikamskikh pamyatnikakh 17 veka [Dialect vocabulary in Cherdyn and Solikamsk monuments of the 17th century]. In: *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [A living word in the Russian speech of the Kama region]. Perm, 1972, iss. 3, pp. 155–168.
- Polyakova E. N. *Pamyat' yazyka: Rasskazy o leksike permskikh pamyatnikov pis'mennosti i govorov* [Memory of language: Stories about the vocabulary of Perm monuments of writing and dialects]. Perm, Perm. kn. izd., 1991, 206 p.
- Superanskaya A. V. *Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvaniy* [What is toponymy? From the history of geographical names]. Moscow, Librokom, 2021, 178 p.
- Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow, Librokom, 2012, 366 p.
- Vostrikov O. V. *Finno-ugorskiy substrat v russkom yazyke* [Finno-Ugric substratum in Russian]. Sverdlovsk, 1990, 95 p.
- Zhitnikov V. F. Drevnerusskaya leksika podsechno-ognevogo zemledeliya v toponimike Arkhangel'skoy i Vologodskoy oblastey [Old Russian vocabulary of slash-and-burn agriculture in the toponymy of the Arkhangelsk and Vologda regions]. *Voprosy toponomastiki*. 1965, iss. 2, pp. 19–22.

List of sources

- Chupin N. K. *Geograficheskiy i statisticheskiy slovar' Permskoy gubernii* [Geographical and statistical dictionary of the Perm province]. Perm, 1873–1887.

- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Diamant, 1997.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language]. O. N. Trubachev (Transl. from German and rev.). Moscow, Astrel' – AST, 2004.
- Kniga Bol'shomu chertezhu* [Book to the Big map]. Serbina K. N. (Ed.) Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, 229 p.
- Krivoshchekov I. Ya. *Geograficheskostatisticheskii slovar' Cherdynskogo uezda Permskoy gubernii* [Geographical and statistical dictionary of Cherdynsky uyezd of Perm province]. Perm, 1914, 841 p.
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, Mysl', 1984, 653 p.
- Panin L. G. *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri 17 – pervoy poloviny 18 v.* [Dictionary of Russian folk dialect speech in Siberia of the 17th – first half of the 18th century]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1991, 179 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles.]. Moscow, 2000, vol. 13: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [A chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon's Chronicle], 532 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete collection of Russian chronicles.]. Moscow, Znak, 2007, vol. 18: *Simeonovskaya letopis'* [Simeon's chronicle]. 328 p.
- Polyakova E. N. *Ot "arainy" do "yara": Russkaya narodnaya geograficheskaya terminologiya Permskoy oblasti* [From "araina" to "yar": Russian folk geographical terminology of the Perm region]. Perm, Perm. kn. izd., 1988, 180 p.
- Polyakova E. N. *Slovar' geograficheskikh terminov v russkoy rechi Permskogo kraya* [Dictionary of geographical terms in the Russian language of the Perm region]. Perm, Izd. Perm. univ., 2007, 419 p.
- Polyakova E. N. *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov 16 – nachala 18 veka: v 2 t.* [Dictionary of the vocabulary of Perm monuments of the 16th – early 18th century]. Perm, Izd. Perm. univ., 2010.
- Popov N. S. *Khozyaystvennoe opisanie Permskoy gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu ee sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti i domovodstvu: V 3 t.* [Economic description of the Perm province according to its civil and natural state in relation to agriculture, numerous ore plants, industry and home economics: In 3 vols.]. St. Petersburg, 1811–1813.
- Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti: V 6 vyp.* [Dictionary of the dialect of the village Akchim of Krasnovishersky district of the Perm region: in 6 iss.]. Perm, 1984–2011.
- Slovar' permskikh govorov: V 2 t.* [Dictionary of Perm dialects: in 2 vols.]. Perm, 2000–2002.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (Eds.). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–2021, vols. 1–52. (Ongoing edition)
- Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: V 7 vyp.* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 iss.]. Sverdlovsk, Izd. Ural. Univ., 1964–1988.
- Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Barkhudarov S. G. (Ed.). Moscow, Nauka, 1975–2022, iss. 1–32. (Ongoing edition)
- Slovar' russkogo yazyka 18 veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, iss. 1–22, 1984–2019. (Ongoing edition)

Vyhegodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [Chronicle of Vyhegda & Vym' (of Misail & Eutikhiy)]. In: *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical and philological collection of the Komi branch of the AS USSR]. Syktyvkar, 1958, no. 4, pp. 257–271.

Информация об авторе

Мария Владимировна Боброва, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Maria V. Bobrova, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 25.04.2023
The article was submitted on 06.03.2023;
approved after reviewing on 25.04.2023; accepted for publication on 25.04.2023*